

Т.В. ВОЛОДИНА

ДЕТСКИЕ БОЛЕЗНИ: СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ЗАПИСИ

Экспедиционные записи последних лет по белорусской народной медицине как дополняют предыдущие, собранные в томе «Народная медицина: ритуально-магическая практика»¹, так и выявляют не только новые формы ритуального лечения уже известных болезней, но и ряд детских недугов, не описанных ранее в специальной фольклорно-этнографической литературе. Конечно, речь идет скорее о комплексе представлений, связанных с тем или иным симптомом, а не с отдельной болезнью с медицинской точки зрения. В данном обзоре и будут представлены наиболее показательные, оригинальные для белорусской традиции записи, сделанные преимущественно в восточных районах страны.

Наименования отдельных болезней в связи с их почти полным исчезновением закрепились за состоянием с подобными симптомами. Так произошло с загадочной болезнью под названием *теменной зуб*, или *теменник*, которую можно определить как острый воспалительный процесс в горле младенца, приводящий к удушью и смерти. Анамнез этой болезни в сообщениях информантов укладывается в рамки картины болезни при дифтерии. Самый обширный блок записей последних лет актуализирует отнесенность *теменника* к болезням, вызванным порчей, сознательной или бессознательной, и в ряде случаев отождествляет болезнь со взглядом:

Зуба там німа ніякага, а балезня таякая. Яна быстрая. Вот падзівіўся хто, вочы такія ў чалавека бываюць вредныя... Вот ад гэтай завідасьці магець стаць цеменны зуб. А тады ў рябёначка цемечка ўпадае. Упадаець цемечка, такая становіцца ямка, і плоха рябёнку. Прападаець рябёнак [1].

В рассказах об этом недуге до недавнего времени не упоминалось о западении плевы на родничке, о «дыхании» темечка, что становится доминирующим в сообщениях XXI столетия. В старых записях темя изредка фигурирует лишь как locus воздействия при заговаривании. Можно лишь предположить, что современным

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬВЕНА ВОЛОДИНА, доктор филол. наук; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Минск)

знахарям просто неизвестны случаи дифтерии (после обязательной прививки заболеваемость детей крайне редка), и весь комплекс представлений об этой страшной болезни распространился на случаи малообъяснимого тяжелого состояния у младенцев, чему поспособствовало перенесение внимания с *темени* (поднебенья) во рту на *темя* на голове:

Эта цемя ўпадае. У мяне сястрычка ўмерла ад цеменнага зуба. Папка быў у арміі, а мама нясла, пашыла ей шапачку красівую, брыльчэкамі, яна яе нясла, а тая крычыць: «Папа, папа!» А мама ей гавораць: «Няма, дочка, папы». А яе даганяець адзін у нас там з хутара ды гаворіць: «Ну, Пряльчыха, калі ты ўжо выгадуеш эту красавіцу, во ўжо гэта ўмная. Адкуль увідзіла і крычыць». А мама ішла да кумы. Толькі ў кумы пасядзела, а яна сразу стала пляваць, рвацца. А мамка: «Ай, кумачка, што такое? Што такое?!» Яны яе толькі схвацілі і к бабкі, а сонца стала захадзіць — і памёрла. З суроцы. Бабка сразу сказала: «Цемя ўвалілася во тут во ямкаю, і ўсё». [А вы гавораць: цеменны зуб. А дзе там які зуб?] Этак называецца — цеменны зуб. Нічога не расьцець, ні зуба, нічога, цемя ўваліваецца. Яна сразу стала часначку клась на эта цемя, а ўжо сонца стала захадзіць, ужо перабралі суроцы, і ўсё. Сільна перабрала. Толькі данясылі на хутар, толькі ў хату ўнясьлі. Яна глянула толькі: ой, ой, цеменны зуб, часнаку стала клась. А яна і кончылася. Дзьве нядзелі да году не дабыла. І хадзіла, і гаварыла, там кукла была [2].

Названия детских болезней, связанных с чрезмерным плачем, в современных записях выявляют ряд региональных особенностей: если *ночницы*, *криксы*, *плаксы* фиксируются по всей территории (с вариантами *крыкуха*, *крыклівіца*, *крыкавіца*, *крыкчышча*), то названия *ночнэ* — в Центральном Полесье, *вотначы* — в петриковско-октябрьско-светлогорской зоне, *карадуны* — в рогачевско-жлобинской, *крэқты*, *крактуны* — в Подвинье, ср.:

Это онэ называецца ночнічкі. А крыксы, есьлі он да с кім стрэнецца да накідаюць крыксы, шоб твое дзіця плакало, а его маўчало. Это называецца крыксы. І ёго ўжэ нясуць шаптаць бабам. Шэпчуць да воны, гэтыя бобу [знахарки], дзіцятку трошкі стане луччы. О таке [3].

В Березинском районе Минской обл. детские болезни неопределенного характера, сопровождающиеся плачем и криком, называются *жуды* и *нуды*:

Ляцеў воран / з чужых сторон, / прыляцеў на (имя) двор. / Збраў (имя) жуды і нуды, / крыксы і плаксы, / крэкты і стогны. / І панёс у чыста поле, / дзе пеўні не пяюць, / дзе тапарамі не сякуць, / дзе званы не звоняць, / туды да людзі не заходзяць.

(Тры разы нада так казаць) [4].

В заговорах от *ночниц* в рамках модели «пуская посредник заберет бессонницу, а даст ребенку сон» разнятся персонажи, к которым с такой просьбой обращаются. Среди коммуникантов — прежде всего *зоры-зараніцы*, *Божыя памашніцы*; *зоркі вы*, *зарнічкі*, *вы родненькія сястрычкі*:

Первым разам, Гасподнім часам / Госпаду Богу памалюся, прачыста Мацеры пакланюся. / Маць Божая сьвятая, стань на помач рабу Божаму крыксы выгавараваць. / Зорка-зарніца, Божая памашніца, / Вазьмі ад раба Божага (імя) крыксы, плаксы / Начныя, дзянныя, палудзённыя, калючыя, часавыя, мінутныя, / Начныя, палуночныя, урочныя, прыгаворныя, / Ветраныя, земляныя, пужаныя, зьяканыя, / Бацькіны, маткіны, бабіны, дзедавы, цёткіны, дзядзькіны, / Дзявоцкія, хлапоцкія, жаноцкія, мужчынскія, парабоцкія, / Жаласныя і карысныя, усьцешныя і прысьмешныя, сьветавыя і заравыя. / Рэчкі пасьвятаюцца, а рабу Божаму спаць, спаць, спаць. / Бог мой, прымі дух мой. / Худа назад, дабро наперад. / Амін.

(Тры разы, падуць і сплёвываць назад цераз левае плячо) [5].

В заговорах своеобразный договор заключается и с курами, когда им предлагается забрать болезнь в обмен на хлеб-соль:

Курачкі-сястрычкі, вазьміце ангелочкавы начнічкі. / Наце вам хлеб-соль, дайце ангелочку сон. / Куры сралі, сну насалі, шоб ангелочак спаў.

(Нада такія маленькія галачкі скруціць і туды патрошку солі. І тады тога дзіцёначка несці ў куратнік на руках і так гаварыць. Так укінуць, яшчэ гаварыць і кінуць, гаварыць і кінуць. Тады завярнуцца і ў хаце ні з кім не гаварыць) [6].

Наряду с курами просьбы принести сон адресуются мифическим персонажам, детям которых «на забаўку» предлагается крик и плач младенца. Заговорная ситуация предполагает подтверждение согласия партнера, его «ответ»:

(Крыксы — есцьлі малое дзіцё, а жэншчына па трасочніку паходзіць ілі ў куратнік пойдзя на сьмярканыні, эта на дзіцёнку можа... Есцьлі яна кармашчя маць. Абычна ідуць ужэ на двор, прымерна як летам у 12 часоў і вот сразу:)

Первым разам добрым часам, первай парой вячэрняй зарой, / я з словам, Бог з помаччу. / Божы зараніцы па небу ляталі, Госпада Бога відалі, усім рады давалі. / Памажыце лячыці і малага здароўя ўкрапіці. / Дзед лугавы, баба баравая! (І адгукнуць:) Уууу! / Прашу забраць у майго малага крыксы, плаксы і начнікі / твайму сыну на забаўку. / Вашаму сыну з крыксамі з плаксамі гуляць, / А майму малому спаць. / Куркі-трапятуркі, вазьміце хлеб і соль, аддайце майму ўнуку сон. (Сказаць і кінуць хлеб у куратнік) [7].

В ритуальной терапии *ночниц* за помощью и предложением обмена обрешаются к умершим предкам:

Бярэш дзіця, носіш яго, трэба «Ва імя Айца і Сына і прашу Маню і Госпад Бог памажы». А тады: «Добры вечар!» І нясеш яго на кут сперва. «Добры вечар, старыя і малыя, дайця Колю сон». Тады нясеш у другі кут, тады у той, тады ў той [крест-накрест]. «Добры вечар, старыя і малыя, мы не гуляць к вам прышлі, крыксы і начніцы прынясьлі». Перахрысьціш і нясеш у другі кут. «Добры вечар, старыя і малыя, мы не гуляць к вам прышлі, крыксы і начніцы прынясьлі. Вам плакаць, не спаць, а майму Кольку спаць, гуляць, танцаваць, апеціт наганяць» [8].

В западном Полесье в заговорах от *ночниц* фиксируется редкий, оригинальный образ дочерей Солнца, которые встречаются на калиновом мосту с сакральным персонажем/месяцем или же с самими *ночницами*:

Ішлы сонцевы дочки чырыз калыновы мыст мысяццо на сюдысь. / Пытаецца мысяц: / «Куды ідэтэ, сонцёвы дочки?» — / «Ідэм ля (имя), сладкі сон нысэмо, / а ночныці і полуночныці под птаховы крылы бырэмо, / которы по лісы лытаюць і ньякі пожывы ны маюць». / Ідэтэ, ночныці і полуночныці, з хаты на двыр, а з двора вітром [9].

Сьвяты аўторачак, Мацер Божая, памажы і прыступі і сахрані раба Божаму такомута. / Не сама сабою вячэрня зарой ці раньня зарой, самім Ісусам Хрыстом. / Памажы мне, Госпадзі. / Ухадзіце, усе крыксы-плаксы, з раба Божага / на махі на балоты, на дубовыя калоды. / Калючыя-балючыя, ветраныя, замоўныя, / прыгаворныя, пацешныя, пасьмешныя, / хлапецкія, маладзецкія, сіроцкія, дзявоцкія, / радасныя, жаласныя, зачныя, вачныя, / ад злога вока, ад злога языка, ад злога чалавека, / ад злой мінуты, ад злое гадзіны, / сабаччыя, парасяччыя, каціныя, птушыныя, сакаліныя, / дзедавы, бабіны, цёткіны, дзядзькіны, бацькіны, маткіны, / мужскія, жэнскія, / ухадзіце ўсе крыксы-плаксы на сухі лес, на зямчужную расу. / Крыві не таміце, касьці не ламіце, дай Божа на помач. / Марская жар-пціца, выграбай боль сваімі залатымі капьтамі, сваімі залатымі какатамі, / сваім залатым носам, сваей залатой дзюбкай. / Калючую, балючую, пякучую, ламучую. / Выхадзі, боль, з раба Божага (имя) не час, не на два, а наўсёгда.

(Падуш на яго і плюнеш тры разы на бок. На любы бок) [10].

Живы и запреты беременной жёнице гладить домашних животных, переступать через них и особенно категорически — толкать ногой, так как это приведет к появлению на детском тельце болезнетворных волосков, шерстки, которая приносит младенцу мучения. Эта шерстка в современных записях называется *сабаччая шэрсць* (Буда-Кошелевский р-н), *каціная коллючка* (Житковичский р-н), *свёінная шэрсць* (Стародорожский, Докшицкий р-ны, Подвинье в целом), *дзікія валаскі* (Минская обл.). Восточная часть страны сохраняет названия *валасень*, *валасянка*:

Пяклі хлеб, пірог такі, толькі ўчынілі і сьпяклі, ржаная мука. А патом выкачаваць. Павыкачаваеш, расьцягаваш, а там валася. Валасень зваўся. Галушачкі курам кідалі [11].

Валасянка як-та, аржаной мукой націралі спіну і выціралі. А рьябёначак беспакоеўся, як калолася [12].

По-прежнему первым лекарством от этих волосков является «выкатывание» их теплым хлебом. Среди единичных, но показательных своими мифологическими ассоциациями названий — *папялуха*:

Эта як бярэменная нагой ката ці што паддзявае. Валасатых звяроў, тады на

дзеях аказаваецца. Папялуха, кажуць, нейкая. [Папялуха?] Ну. Попелам змываюць гэтую шэрсць [13].

На юге Минской области и на севере Брестской подобные симптомы связывают с контактом уже не с животными, а с домашней птицей, и называют *крылішчы*. Тогда большое дитя кляли на порог и разрубали рядом с ним веник.

Вот ідзеш, дзе курнік, ды курыца пералеціць цераз тую жанчыну. На плячах тады крылішча ў рабёначка. Во так голаў угору закідае, і ня спіць, крычыць. З чорнай курыцы брала пер'е, толькі анно з чорнае. Вязала іх у пучкі. Вот у каго крылішча, прыносіць дзеткі. Кладзе на гэты бок парога, а сама на той бок. А тутак начоўкі. І бярэ яна сакеру, а дзіця пад начоўкі. Маладзіца стаіць на гэты бок парога, а мая мама — на той і тое пер'е сячэ. Тая маладзіца пытаецца:

— Што ты сячэш?

— Крылішчы.

— Сячы, сячы. Каб не было.

Гэтак тры разы мама сячэ. Усё рабілася, каб сонейка заходзіла [14].

Довольно любопытный факт в блоке представлений о волосках, что вырастают на теле и становятся причиной болезненного состояния, сообщили в Стародорожском районе Минской области:

Эта як бровы. Кажуць, чартапуд у цябе, дык зразаюць, ці карове ці чалавеку. Кажуць, волас вырвем табе, у цябе чартапуд расьце. Як злосны чалавек, кажуць, эта чартапуды. Дык у каня ў нас быў, сто праэнтаў, уверавалася я, дзе бровы, чартапуды парасьлі, такі дурны быў конь. Сколькі яго не бі, усёрна не пойдзе рабіць то, што не захоча. [І ў чалавека бываюць такія чартапуды?] І ў чалавека. Кажуць, ну што, чартапуды напалі. На брывах такія растуць во ўверх [15].

Самостоятельной болезнью со своей этиологией и терапией продолжает считаться капризность ребенка, называемая *упіры*, *упоры* (Центральное Полесье), *прічча* (Поднепровье — «Дзіцёнак капрізьнічаець, становіцца злым, нервным, не нравіцца яму нічога. Эта і ёсь прічча. Лазінка адна не вылечыць, нада прігаваріваць» [16]), *заход*, *натуркі* и др.:

Утрэньня зарніца, Гасподнія памашніца, / зорі-зарніцы, мілыя памашніцы, / вазьміце ў этага младзенца ўпіркі, натуркі, / нашніцы, бяссонніцу, палуношніцу, беспакойствія. / Зоркі-

зарніцы, мілья сястрыцы, дайце крепкае здароўе, / спакойстве, апеціт, радасьць / не на дзень грядущы, а на век вякушчы. Амінь [17].

Эта называецца *упіры*. Упіры. Ну дык гавораць, будта бы ад парога пачынаюць этага дзіцёнка да абразоў во так во галавой куляць. Эта ўпіры [18].

В магической терапии капризов продолжает доминировать веточка особой формы:

Як парюцца ў бані венік, нада той венік разабраць і найці такую ветачку, катора трі, штоб трі сучкі было і етым нада сьцебануць і раз, і другі, разікі трі. Больна не, а сьцебаеш [19].

Абсолютно оригинальны узкоколлективные (Березинский р-н Минской обл.) представления о *супорах*:

Вот сваруцца мужык і з жонкай. А яна дзіця будзя дзяржаць, вот ён і станець хворы. Цераз чатыры ножкі стала накрыв перанімаюць так і так, а вада стаіць на стала. Тады гэту ваду цераз клямку пералівае і ўсё [20].

Есьлі маць дзяржыць рабёнка на руках і сцапіліся з мужыком ругацца. Лепі палажы дзіцёнка на кравасьць, а з ім хочаш біся, хочаш ругайся, но толька не чэраз дзіця. Эта і ёсь супоры. Тады нада каб мужык і з жонкай за рукі ўзяліся, а хто-та трэпці цераз іхнія рукі дзіця перанімаў. Ад супор. Плачыць, крычыць, яму вездзе коле, плоха яму [21].

Если о такой немощи, как *старость*, лишь упоминают, что она была:

Старасьць нападала. Вот дзіятка так крэкча. А яго цела такое пабабенае. У маршчынках. Эта казалі: старасьць нападала. Лажылі пад прыпечак і бабкі шапталі. Будзе і гадоў тры, а яно крэкча і ўсё. Прымуркі такія былі, як на печ лезьці, такі во вуступ, называлі прымурак, там дзіця ўсе і ляжало. Старасьць нападае [22] —

то в возможность получить *знос* верят до сих пор:

У кого маленькі дегі, як зубоў нема, ніводного, бо як зубы е, ужо не ўрэдно. А вот як зубоў нема, то не зносілісь да ўместа. На дворэ яшчэ як, а ў хате, под крышэй штоб не зносіліс. То можэ знос напасть на котораго ўжэ. І нэ спыць, і высохне, і ўсэ. Лячылі, як старынныя колодэсе е, старынныя, і от трава падае

туды така похілена, эту траву рвалі, парылі. І от дорогою ідеш, і соломіна от так наўхрэст лежыць, збіралі гэтыя хрэшчыкі і тожэ парылі купалі дегей. А як зносяцца, две жонкі ідуць з малымі дегямі, то от так роўно ложать вона свое, а вона свое, штоб роўно одна до одное было, на рукаэ, тэ себе, тэ себе, штоб роўненько, положыть да кажуть: «Шо думают матеркі, то матеркам, а што думают дегі, то дегям» [23].

Актуальны и заговоры при этом недуге:

Ляцела сарока з далёкага вастока, / з шырокімі плячыма, з чорнымі вачыма. / У сарокі доўгі нос, каб прапаў у дзіцяці знос [24].

Першым разом Божым часом уговораю Еву от узноса, / от поспеху, от пустых дорог, от дзяўчыны, от паробчыны, / а моя Ева молітоўная соколінымі вочыма аддзівіцца, / бобровымі зубамі отгрызецца, моей Еве знос мінецца [25].

Ритуальное лечение *старости* через относ хлеба к сакрально обозначенному растению имеет параллели в разных европейских традициях:

Як сабіраецца шкуручка ў дзіцяці, кажучь, эта старасьць нападае. Дык баба ўжо пячэ хлеб, галушачкі. Тады гэтымі галушачкамі абкачвае эта места і аддаюць сабакам. У маршчыны такія, во бачыш, якія рукі страшныя [показывает на свои руки], і ў дзіцяці так. Яна ўсё хадзіла там, дзе цяпер башня, там расла трава. Панна нейкая. Яна ўсё эту панну рвала. Яна эту панну ідзе рваць, адзяецца ў сьвяточнае, хвартушок белы падвязвае, хустачку беленькую завязвае, і бярэ хлеб, і соліць солью. І йдзе туды, і кладзе там, і соліць солью. «Панна, панна, я прышла цябе не рваць. А ў цябе здароўя прасіць» [26].

Конвульсивные приступы у дегей, к счастью, становятся все более редким явлением, хотя в отдельных регионах продолжает бытовать убеждение, что *дзяцінка* должна быть у каждого ребенка, только вот проходит она по-разному, хоть смехом, хоть плачем. Наряду с представлением о врожденном характере болезни (ср. *радзімець*) верят, что болезнь возникает вследствие испуга:

Патайнік — спужалася дзіця, спіць і ўздрыгвае. Загавараваеш: «У суботу рана ішлі яўрэі, неслі спуг. У Колі не бывай. Ідзіця на сіня мора, там ваша маці ў

карты грая і *спуг-пераход-патайнік ажыдая*» [8].

На белорусско-русском пограничье падучая у ребенка получила показательные наименования:

Ведзьмак — так называлася, як падучая. Тожа выгавараваецца: «Выхадзі, ведзьмак, калючы, балючы...», такое самае, толька называецца *ведзьмак* [27].

Бывала, у дзяцей *малочай быў* — эта канвульсія. А як первы раз, нада лажыць перяд парогам рябёнкі і нада, штоб маць перышагнула яго і сказаць: «Чым радзіла, тым і перыхрысьціла». Тады больш ня будзець [28].

Чтобы предупредить негативные последствия испуга, предпринимается ряд магических действий, к примеру:

Во бярэш ядро, пераварачываш во так і наліваеш на дно вады, падводзіш рябёнкі і гаворыш, каб ён сам сябе пазваў. У гэту ваду трі раза: «Зіна, Зі-іна, Зі-і-іна». А патам ваду цераз парог выліць. І *заходы* бываюць, што паваліцца і аж заходзіцца [29].

Испуг запущенный, особенно сильный, по народным представлениям, приводит к развитию особого заболевания — *стени*, при которой состояние ребенка все ухудшается:

А другі раз я выбіраю сень. Бяру дзіцёнка, вываджу на двор, як сонца ёсь. Станаўлю к сьеначкі, рукі накресьць, во так, і выбіраю, каб кресьцік. Перва з галавы, тады з ног, адкалупаваю трошку, із рук і з ног, таго дзерава, нямножачка. Тры раза я так бяру, патаму што Бог тройцу любіць. І тады ідзем у калідор ці ў хату, бяру я скавародку, бяру шукаю адзе павуцінка ёсь, кладу на бумажачку сень гэты, павуцінку ету, кладу на скавародачку ету, абарацаваю табуретачку, станаўлю этага, каго выбіраю сень. Над этай самай скавародаккай, над табуретачкай і гаварю: «Сколько етому сьеню гарець, столькі этага раба Божага (імя) галаве балець». Тры раза так прагаваріваю» [1].

Вера в сглаз, вредоносное воздействие на ребенка зависти, чрезмерного удивления и т.д. вызывают разнообразные магические приемы, продолжающие прежние традиции с глубоким мифологическим подтекстом второго рождения младенца:

Ваўхвілі дзяцей гэтых. Я з воч, як дзяцёнак маленькі і сурочыўся, сама перва,

як мяне наўчыла бабка, ложыш падушку, на эту падушку ложыш дзіцёначка, і яго нічога ніякага во так во перажаваеш. «Хто цябе радзіў, тэй цябе атхадзіў», тры разы. Но толька ты сама не падымаеш, а падняць должан другі, мужык, ці сьвякруха, ці хто» [30].

Актуальным остаецца комплекс прадставленій, звязаных з грибкавымі забольваннямі полости рта, якія сустракаюцца ў маладзёным узросте. Проходзіць гэты недуг доволна хутка, канечна, пры своечасным умяшчальстве і незамысловатых цэлітэльных працэдурах. Аднак на ўзроўні народнай нomenклатуры гэты комплекс прадставіць сабой незвычайна падрабязна разрабаванае поле. Унутраная форма назваў вiмстэ с народнай этыялогіяй болезні і рытуальна-магічнай тэрапіяй прадстаўляюць багатыя магжынасьці для рэканструкцыі міфалогічнай асновы гэтага, казалась бы, пустяковага забольвання. Выдзяляюцца тэматычныя гнезда «молака», «плесень», «грибок», якія і зьяўляюцца узловымі ў даным ідеографічным полі.

«Молочная» тема (см. назваў *молоца, молочака, молочник, молочняк, молочнікі, молочніца*) праяўляе сябе і на ўзроўні этыялогіі болезні (беременная женщина нарушала правила питания и ела пенки):

Падбел. Калі ходзіш бяременная, нельзя пенак есьці. Малако варыш, пенкі есь нельзя. Мезеным пальцам сыціраць [31].

Імэнно цвэт налета во рту мотывіраваў празрачнае найменаваньне *падбел*:

Эта называецца радавы ў бабы падбел. Бель такая. Малочніца. А ў дзяцей радавая малочніца. Нада выціраць суконкай. Бывала, сукно ткалі. Атрэзаць сваей ткані, коўдры такія ткалі. Атрэжаш крошачку на малец і ў рот [32].

Паказатэльную актуалізацыю звязі жаба—рот фіксуюць саветы ісьцелення болезней с такім названнем, сконструіраваныя не без вліяньня так называемай этымалогічнай магіі (когда *жабку* врачевали с помощью жабы):

Жаба ў роце. Лаві жабу і лапкай нада было пашкрабаць у роце. А жабу тую назад выкідалі. У роце абарвець і губы абарвець [33].

В статье представлена лишь небольшая часть всех записанных материалов, которые свидетельствуют не только о том, что традиция (как в пассивной, так и активной форме) жива, но и о том, что еще множество интересной информации о детских недугах остается «за бортом» только по той причине, что о них не спрашиваешь во время экспедиции. А не спрашиваешь потому, что еще не имеешь о них представления. И практически каждый выезд в поле пополняет этот багаж знаний.

Примечания

¹ Народная медицина: ритуально-магическая практика / Уклад., прадм. і паказ. Т.В. Валодзінай. Мінск, 2007.

Список информантов

1. М.Ф. Анищенко, 1927 г.р., д. Тростино, Хотимский р-н Могилёвской обл.; зап. Т.В. Володина и Е.М. Боганева, 2012 г.

2. М.И. Прялкина, 1934 г.р., д. Буда, Хотимский р-н Могилёвской обл.; зап. Т.В. Володина (далее, если тексты записаны только автором статьи, собиратель не указывается), 2012 г.

3. А.В. Астапович, 1931 г.р., д. Дуброва, Лельчицкий р-н Гомельской обл.; зап. Т.В. Володина и Т.И. Кухаронок; 2011 г.

4. А.И. Корсук, 1929 г.р., д. Чижаха, Березинский р-н Минской обл.; 2010 г.

5. М.И. Сергеенко, 1946 г.р., д. Хизов, Кормянский р-н Гомельской обл.; 2008 г.

6. Н.К. Голубева, 1931 г.р., д. Столпня, Рогачевский р-н Гомельской обл.; 2009 г.

7. Н.И. Каледич, 1937 г.р., д. Вирков, Кличевский р-н Могилёвской обл.; 2013 г.

8. М.Е. Лапунова, 1928 г.р., д. Слободка Сушанская, Быховский р-н Могилёвской обл.; зап. Т.В. Володина и Т.И. Кухаронок; 2013 г.

9. П. Волкович, 1912 г.р., д. Бездеж, Дрогичинский р-н Брестской обл.; 2001 г.

10. А.И. Кондратенко, 1931 г.р., д. Ходасы, Мстиславский р-н Могилёвской обл.; 2011 г.

11. М.В. Дроздова, 1937 г.р., д. Круговка, Добрушский р-н Гомельской обл.; 2008 г.

12. М.П. Зайцева, 1929 г.р., гор. пос. Городок Витебской обл.; зап. Т.В. Володина и В.А. Лобач; 2011 г.

13. М.С. Лягуш, 1929 г.р., д. Заречье, Смоленский р-н Минской обл.; 2010 г.

14. С.И. Парус, 1935 г.р., д. Мыслобаз, Ляховичский р-н Брестской обл.; 2005 г.

15. М.П. Усик, 1930 г.р., д. Бараново, Стародорожский р-н Минской обл.; 2010 г.

16. С.Н. Богачева, 1941 г.р., д. Титовка, Климовичский р-н Могилёвской обл.; 2013 г.

17. М.Ф. Алексеенко, 1947 г.р., д. Великий Мох, Климовичский р-н Могилёвской обл.; 2013 г.

18. Е.В. Журавлёва, 1934 г.р., д. Степы, Жлобинский р-н Гомельской обл.; 2009 г.

19. Е.Ф. Демьяненко, 1936 г.р., гор. пос. Городок Витебской обл.; зап. Т.В. Володина и В.А. Лобач; 2011 г.

20. З.М. Карень, 1930 г.р., д. Любушаны, Березинский р-н Минской обл.; 2012 г.

21. Н.И. Зеневич, 1933 г.р., д. Глухой Ток, Березинский р-н Минской обл.; 2012 г.

22. В.П. Вотчич, 1936 г.р., д. Лески, Октябрьский р-н Гомельской обл.; 2012 г.

23. О.И. Фицнер, 1929 г.р., д. Гребени, Лельчицкий р-н Гомельской обл.; 2011 г.

24. Т.Я. Кишило, 1929 г.р., д. Юшковичи, Любанский р-н Минской обл.; 2009 г.

25. Е.И. Соц, 1938 г.р., д. Вулька-2, Лунинецкий р-н Брестской обл.; 2007 г.

26. Е.Ф. Лукашевич, 1929 г.р., д. Смыковичи, Октябрьский р-н Гомельской обл.; 2012 г.

27. А.И. Кондратенко, 1931 г.р., д. Ходасы, Мстиславский р-н Могилёвской обл.; 2011 г.

28. М.С. Богданова, 1934 г.р., гор. пос. Городок Витебской обл.; зап. Т.В. Володина и В.А. Лобач; 2011 г.

29. Г.В. Савченко, 1959 г.р., д. Киселева Буда, Климовичский р-н Могилёвской обл.; 2013 г.

30. Т.А. Перминова, 1953 г.р., д. Грудиновка, Быховский р-н Могилёвской обл.; зап. Т.В. Володина и Т.И. Кухаронок; 2012 г.

31. М.Ю. Афанасенко, 1933 г.р., д. Мохов, Лоевский р-н Гомельской обл.; 2011 г.

32. Н.М. Хаманеева, 1931 г.р., д. Алесино, Смоленский р-н Минской обл.; 2010 г.

33. С.М. Ступак, 1926 г.р., д. Лавреновка, Толочинский р-н Витебской обл.; 2007 г.

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта БРФФД № Г13Р-005 «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор»